

НЕСУЩИЙ ФАКЕЛ ПРОМЕТЕЯ

Памяти
профессора
Э. Д. Фролова

Санкт-Петербург
2024

УДК 94(38): 929
ББК 63.3.(0)321д
Н55

Несущий факел Прометея. Памяти профессора
Н55 Э. Д. Фролова : коллективная монография / Сост.,
науч. ред., вступ. ст. А. Х. Даудова и О. Ю. Климова. —
СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2024. — 352 с.,
[16] с. ил. — (Серия «Studia classica»).

ISBN 978-5-93762-200-6

Книга посвящена памяти выдающегося российского историка-антиковеда, почетного профессора СПбГУ Эдуарда Давидовича Фролова (1933–2018). В статьях, подготовленных его коллегами и учениками, рассматриваются проблемы, всегда привлекавшие ученого: становление греческой цивилизации, возникновение полиса, феномен тирании, развитие греческой культуры, эволюция социально-политической мысли в древней Греции, историография античной истории. Кроме того, в книгу включены биографические очерки, которые знакомят читателей с многогранной личностью профессора Фролова, его трудами и деятельностью как педагога и организатора науки.

Издание адресовано как специалистам-историкам, так и всем, кто интересуется античной цивилизацией и культурой, а также историей их изучения в России и за рубежом.

УДК 94(38): 929
ББК 63.3.(0)321д

ISBN 978-5-93762-200-6

© Коллектив авторов, 2024
© Издательский Центр
«Гуманитарная Академия», 2024

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В плеяде отечественных антиковедов Эдуарду Давидовичу Фролову (1933–2018) принадлежит очень важное место. Крупный исследователь древнегреческой истории и культуры, автор хорошо известных и весьма популярных книг, блестящий лектор, педагог, руководитель кафедры истории древней Греции и Рима Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, активный организатор науки, Эдуард Давидович замечательно проявил себя в этих разных ролях. Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография написана в память об этом выдающемся отечественном ученом с целью сохранить память о нем, осмыслить его роль и вклад в развитие отечественного антиковедения.

К участию в коллективной работе приглашены многие члены кафедры, созданной Эдуардом Давидовичем, а также его коллеги из других университетов и учреждений Академии Наук — видные антиковеды, занимающиеся, как правило, теми же научными проблемами, которые исследовал Э. Д. Фролов. Среди авторов настоящей монографии — С. С. Казаров, С. Г. Карпюк, О. В. Кулишова, Л. Г. Печатнова, С. К. Сизов, И. Е. Суриков, Ю. Б. Циркин и ряд других ученых, хорошо известных антиковедам и любителям истории. Многие из авторов книги являются учениками Эдуарда Давидовича, продолжают ту исследовательскую традицию, которую заложил этот выдающийся исследователь. Из числа авторов настоящей книги Эдуард Давидович в свое время выступил научным руководителем С. С. Казарова, О. Ю. Климова, О. В. Кулишовой, Л. Г. Печатновой, С. К. Сизова, Х. Туманса, М. М. Холода. Те из авторов, кто

не проходил аспирантуру или докторантуру под непосредственным руководством Эдуарда Давидовича, тем не менее тоже считают себя учениками этого выдающегося ученого, ибо испытали большое влияние его идей и исследовательского мастерства. Всех авторов данной книги объединяет желание сохранить память об Эдуарде Давидовиче для следующих поколений антиковедов и осмыслить его вклад в развитие отечественного антиковедения.

Структура книги проста: отдельные главы посвящены тем историческим периодам и проблемам (темам), которые стояли в центре исследований Э. Д. Фролова. Авторы глав осмысливают и оценивают вклад Эдуарда Давидовича с позиций современных достижений антиковедения, отмечая достижения ученого, подчеркивая особенности его взглядов и подходов. Анализу научного вклада Э. Д. Фролова предшествует биографический очерк, подготовленный группой авторов, хорошо знавших Эдуарда Давидовича лично: А. Х. Даудовым, О. Ю. Климовым, О. В. Кулишовой и А. Д. Пантелеевым. В этом очерке изложена история жизни Эдуарда Давидовича, охарактеризованы основные этапы и направления его научного творчества.

Все следующие главы посвящены анализу тех научных проблем, которыми занимался Э. Д. Фролов. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ И. Е. Суриков проанализировал труды Э. Д. Фролова, посвященные архаическому периоду истории Греции, главным образом проблеме полиса и его становления. В творчестве Э. Д. Фролова это была одна из наиболее любимых и важных тем. Следующая глава по содержанию очень близка к предыдущей и служит своего рода продолжением и дополнением ее. Один из учеников Э. Д. Фролова, выпускник кафедры истории древней Греции и Рима, ныне доктор наук, профессор Латышского университета (г. Рига) Харийс Туманс рассматривает такой важный феномен в истории Греции, как архаическая революция, сопровождавшийся радикальными переменами в социально-экономическом строе, в политической организации, в культуре, породивший тиранию, Великую

колонизацию, мощный культурный подъем. Доктор исторических наук, профессор Л. Г. Печатнова в своем очерке обращается к трудам ученого, посвященным Ксенофону и его творчеству. Взгляды этого древнегреческого историка, писателя и политического деятеля стали предметом рассмотрения в кандидатской диссертации Э. Д. Фролова, да и в дальнейшем он сохранял особое отношение к этому автору. Доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета С. К. Сизов характеризует тему федеративных государств и союзов, которая также заняла важное место в научном наследии Э. Д. Фролова. Кандидат исторических наук, доцент Мурманского Арктического государственного университета В. В. Кузь характеризует труды Э. Д. Фролова, посвященные теме кризиса полиса, процессам IV в. до н. э., развитие которых привело к глубоким изменениям в социальной системе, в политической жизни, культуре, ментальности населения. Для Э. Д. Фролова эта тема также была одной из центральных, ей он посвятил многие свои труды. М. М. Холод — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ — исследует подходы Э. Д. Фролова к тем процессам и событиям, которые составили содержание политической истории IV в. до н. э. Он пишет о характеристике Э. Д. Фроловым младшей тирании, деятельности Филиппа II и об установлении македонской гегемонии в Греции. В главе, подготовленной доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ О. Ю. Климовым, характеризуются взгляды Э. Д. Фролова на эллинизм как историческое явление и на эллинистический период в истории Греции и Ближнего Востока. Несмотря на то что Эдуард Давидович систематически не занимался проблемами эллинистической истории, в его научном наследии есть ряд публикаций, которые затрагивают как вопрос о сущности эллинизма и тех перемен, которые происходили в Греции и на Ближнем Востоке в к. IV–I вв. до н. э., так и некоторые сюжеты конкретной истории этого бурного времени.

Э. Д. Фролов в своих исследованиях большое внимание уделял развитию русской и — в меньшей степени — советской историографии античной истории. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ С. Г. Карпюк и доктор исторических наук, профессор кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ О. В. Кулишова проанализировали труды Э. Д. Фролова, посвященные истории русского антиковедения. Историографическая проблематика заняла в научном наследии Эдуарда Давидовича очень важное место: он явился автором основного монографического труда, посвященного русской науке о древности, и тем самым побудил многих ученых обратиться к анализу развития отечественного антиковедения. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ А. Д. Пантелеев посвятил свою главу тем трудам Э. Д. Фролова, в которых рассматриваются вопросы истории античной религии и особенно история раннего христианства.

Особое место в монографии заняли две главы, посвященные не научным трудам Эдуарда Давидовича, а его практической деятельности. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ А. В. Васильев охарактеризовал деятельность Эдуарда Давидовича как педагога, блестящего лектора и методиста. Наконец, О. Ю. Климов посвятил еще один очерк характеристике деятельности Эдуарда Давидовича как организатора науки, как ученого и несомненного лидера научной деятельности коллектива кафедры.

В итоге, по мнению членов авторского коллектива, читатель получит достаточно полное представление о жизни и научном творчестве Э. Д. Фролова, о его вкладе в исследование античной истории и о той значительной роли, которую сыграл этот выдающийся ученый, педагог, руководитель кафедры в развитии отечественного антиковедения.

*А. Х. Даудов,
О. Ю. Климов*

А. Д. Пантелеев

**ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ РЕЛИГИИ
И РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ Э. Д. ФРОЛОВА¹**

Начиная с крито-микенской древности и вплоть до разделения Римской империи и падения Вечного города религия была неотъемлемой частью жизни античного мира. Изображения богов и героев, жертвоприношения, клятвы, праздники и шествия были связаны со всеми областями государственной и частной жизни, и часто вопросы правильного богочитания и исполнения культа или, наоборот, пренебрежение принятыми нормами, становились поводом для имевших серьезные последствия судебных и политических обвинений: можно вспомнить дело о профанации мистерий, процесс над гермокопидами или суд над Сократом. Крупные храмовые центры, прежде всего Дельфы, санкционировали введение новых законов, свержение тиранических режимов, вывод колоний. Античные историки часто видели в сверхъестественных силах истинную причину происходивших на земле событий, а софисты — первые социологи — прямо обратились к вопросам о происхождении почитания богов и о самом их существовании. Греческие тираны, а затем эллинистические цари видели в обожествлении царской власти одну из опор своей власти.

¹ Данная статья является переработанной версией недавно опубликованной нашей работы: *Пантелеев А. Д. История античной религии и раннего христианства в творчестве Эдуарда Давидовича Фролова // Ученые Петербургского университета и православие. СПб., 2024. С. 198–218.*

Даже этого краткого перечисления достаточно для понимания поистине всеобъемлющей роли религии в древности и невозможности ее игнорирования при занятиях античностью. В центре внимания Э. Д. Фролова находилась, конечно, прежде всего социально-политическая история, но никак нельзя сказать, что он был безразличен к роли религии в жизни древних греков и римлян. Специальных работ по этой тематике у него немного, но иногда в исследованиях, посвященных другим вопросам, встречаются отступления в область античной религии и ее институтов. Возможно, отчасти это связано с тем, что в советское время эта сфера была областью занятий прежде всего философов, специализирующихся на научном атеизме, а историки без особой необходимости этих вопросов старались не касаться, лишь мельком затрагивая их в контексте политики, экономики или социальных процессов. Целью настоящего очерка мы полагаем дать обзор обращения Э. Д. Фролова к проблемам, связанным с религией в древности. Здесь мы будем опираться не только на его работы, но и на воспоминания его супруги Е. М. Фроловой и наши собственные впечатления от его занятий, особенно в аспирантском семинаре.

В 1970–80 гг. Э. Д. Фролов опубликовал две большие статьи, содержащие общие обзоры истории античной религии и возникновения свободомыслия; некоторые из затронутых в них тем стали объектами более детального рассмотрения в последующих работах. Первая из них, «Религия и атеизм в античном мире», была опубликована в альманахе «Вопросы научного атеизма», который издавался Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС². Это был не обычный, а специальный выпуск, в центре которого находились вопросы истории религии. Во введении особо отмечалось: «Нельзя не отметить, что историческая проблематика в значительной степени выпала из поля зрения Института... Религиозная форма на протяжении тысячелетий служила для выражения реальных земных

² Фролов Э. Д. Религия и атеизм в античном мире // Вопросы научного атеизма. 1976. Вып. 20. С. 116–135.

потребностей и исторически ограниченной духовной сущности человека; в ней находили отражение его чаяния и заботы, радости и горести, дела и мысли». Заполнить этот пробел своими исследованиями должны были, кроме Э. Д. Фролова, академик, археолог А. П. Окладников («Проблемы генезиса религиозной формы сознания в свете современных открытий археологической науки»), академик, директор Государственного Эрмитажа, археолог и историк Древнего Востока Б. Б. Пиотровский («Идеологические формы укрепления царской власти в Древнем Египте»), член-корреспондент АН СССР, историк-медиевист В. И. Рутенбург («Эпоха Возрождения, свободомыслие и религия»), член-корреспондент АН СССР, историк древней Руси Я. Н. Щапов («Становление древнерусской государственности и церковь»), профессор МГУ А. Н. Сахаров («Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс») и другие видные ученые.

Э. Д. Фролов в своем обзоре дает общий очерк истории религии и свободомыслия в античном мире, начинающийся с крито-микенской эпохи. Поскольку это самое полное изложение его взглядов на эту тему, мы достаточно остановимся на содержании этой статьи поподробнее. Итак, на Крите основными объектами почитания были Мать-Земля, олицетворявшая плодородие, и бык, связанный с культом царской власти, и именно эти элементы переняли микенские греки. Дорийское нашествие разрушило существовавшие дворцы и государства, но в памяти эллинов продолжали жить представления и образы, выработанные и усвоенные в прежнее время. Поэтому когда в период архаики началось формирование новых городских и государственных центров, древние верования стали фундаментом для новой олимпийской религии. Элементы этой новой конструкции видны уже в гомеровских поэмах. Гесиод в «Теогонии» предпринимает попытку рационалистически упорядочить мифологию, и к концу VI в. до н. э. складывается «относительно простая и формальная» античная религия. Основой культа служило наивное, прямое обожествление сил природы во всех ее проявлениях. Религия греков и римлян

сохраняла отпечаток примитивных верований, откуда происходят пережитки фетишизма, тотемизма и анимизма, но древние все же наделяли своих богов человеческими образами и создали для них организацию, повторяющую черты земной социальной реальности. Олимпийцы были структурированы в подобие патриархальной общины, во главе которой стоял Зевс (у римлян — Юпитер). Развитие греческих городов привело к появлению культов полисных божеств; особо отмечается, что каждый город почитал своих богов, и если эти боги имели общие имена, то по существу это были различные божества, отличавшиеся происхождением и обрядами: политической раздробленности соответствовала раздробленность религиозная, а общегреческие культы или отражали представления о некогда существовавшей общности, или указывали на тенденцию к воссозданию такой общности. В античной цивилизации, в отличие от древнего Востока, не возникло особой жреческой касты; религиозная и политическая организация в государстве были едины. Это привело к отсутствию глубокого религиозного учения, из-за чего патриархальный и локально-общинный характер классических религий неизбежно должен был вступить в противоречие с общественным прогрессом.

Уже в VI в. до н. э. у досократиков Пифагора, Ксенофана, Гераклита, Анаксагора и Демокрита обнаружилось проявление критического отношения к культу олимпийских божеств. Особо здесь нужно выделить софистов Протагора и Продика, живших в V столетии. Протагор заявлял: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни» (Diog. Laert., IX, 51), — а Продик учил о происхождении религии из почитания полезных для жизни вещей. Альтернативное объяснение предложил софист и политик Критий: боги были выдуманы неким древним законодателем для того, чтобы люди не нарушали законы (к этим сюжетам Э. Д. Фролов вернется спустя много лет). Консервативно настроенные греки почувствовали опасность подобных взглядов и попытались обуздать их посредством судебных процессов

о религиозном нечестии. Впрочем, решающий удар по традиционной религии был нанесен в Греции кризисом полисной системы IV в. до н.э, а в Риме — Гражданскими войнами II–I вв. до н. э.: и там и тут развитие экономики привело к росту неравенства, раздражению низших классов роскошью богачей, краху полисной идеологии и, как следствие, упадку религии. Все это вызвало к жизни то, что Э. Д. Фролов назвал «ростом мистицизма, развитием своеобразного “богоискательства”»³. И для элиты, и для простого народа традиционная религия начинает носить внешний, формальный характер, а реальное значение приобретает эмоциональное мистическое общение души с богом, осмысляемое, конечно, совершенно по-разному. Старая вера постепенно уступала место культу учительства, мистериальным культам и иноземным богам. Еще одним фактором, ведшим к упадку полисных религий, было постепенное объединение городов в федерации или территориальную державу, как в Италии.

Изменения, происходившие внутри полиса, также влияли на религиозную ситуацию. Шло постепенное размывание гражданского коллектива; во время потрясений число граждан часто пополнялось свободными чужеземцами, а иногда и освобожденными рабами, и городские культы понемногу теряли свой полисно-патриотический и аристократический характер. По мере упадка полиса все большее значение приобретали частные ассоциации, объединявшие людей по самым разным признакам (к этой теме Э. Д. Фролов тоже вернется спустя несколько десятилетий). Многие из этих сообществ были основаны для почитания тех или иных божеств, они были открыты для людей различного социального положения и даже иностранцев; обладая своей особой структурой, отличной от государственной, эти объединения создавали основу для альтернативных религий и идеологий. С одной стороны, функционеры этих союзов, а с другой — постепенное распространение восточных культов создали основу для возникновения

³ Фролов Э. Д. Религия и атеизм в античном мире. С. 125.

профессионального жречества, что в архаическую и классическую эпохи было большой редкостью.

Кризис полиса, походы Александра и возникновение эллинистических государств на Востоке, а затем превращение Рима из города-гегемона в территориальное объединение и поглощение им прочих политических образований Средиземноморья подорвали основу традиционных религий античного мира: в территориальном государстве локальные религии становились анахронизмом. Еще один удар по ним был нанесен прогрессом естественнонаучных дисциплин и развитием философии, прежде всего учением Эпикура, переложенным в латинские стихи Лукрецием Каром. Эпикур не был атеистом в собственном смысле слова: он признавал богов, но помещал их в пространство между мирами, где они пребывают в вечном блаженстве, безучастные ко всему. Его идеи захватили небольшую часть античной интеллигенции, но большей популярностью пользовался стоицизм, проповедующий пантеизм и единое божественное начало, пронизывающее все сущее. Люди с более скромными интеллектуальными запросами находили удовлетворение в восточных мистериальных культах Кибелы, Адониса, Исиды и других богов, а также в различных суевериях. Увлечение этими культами было признаком глубокой духовной депрессии, которая охватила античный мир в период Римской империи.

Монархия смогла подавить социальное брожение и обеспечить единство государства, но ценой этого было лишение граждан политической активности, создававшее «атмосферу придавленности и безысходности», что вело к поиску утешения в религии. Ее политическое измерение — культ правителя, возникший в античном мире еще в эллинистическое время и взятый на вооружение римскими императорами — воспринимался обществом как нечто официальное и чуждое. Выходом из этого тупика стало возникновение христианства, которое за два века «распространилось по всей Римской империи, а на исходе третьего столетия, пережив последнюю волну репрессий, заставило античное государство признать себя сначала в качестве

дозволенной, а затем — очень скоро — и в качестве официальной религии»⁴.

Вторая большая статья, специально посвященная истории свободомыслия и атеизма в античном мире, была подготовлена Э. Д. Фроловым в соавторстве с В. Г. Боруховичем⁵. Авторы обращаются к античной философии, особо выделяя мыслителей, которые смогли «путем логических размышлений и теоретических выкладок» подняться над «религиозно-фантастическим объяснением мира». Эти философы прямо или косвенно выступали против современной им олимпийской религии, и поэтому «их можно назвать первыми атеистами Европы»⁶. Статья начинается с краткого очерка греко-римской религии, затем следует рассказ об ионийской натурфилософии и более подробное рассмотрение учений Гераклита, «самого гениального из ионийских натурфилософов», и Ксенофана. С именем первого связаны диалектика, пантеизм и учение о Логосе, со вторым — критика традиционного антропоморфизма и создание философского монотеизма. Несколько позже философ Анаксагор учил о том, что небесные тела являются не богами, а раскаленными каменными глыбами, за что был привлечен афинянами к суду.

Особое место уделено анализу атомизма Демокрита, его переосмыслению места богов во вселенной, учению о душе и отношению к народной религии. Как и в предыдущей статье, видное место занимают софисты Протагор, Продик, Критий и реакция на их выступления: с одной стороны, философия Сократа, с другой — позиция консервативных защитников старой религии и полисной идеологии, на которую взгляды софистов действовали подобно кислоте. Первым атеистом древности в собственном смысле слова стал Диагор Мелосский, отрицавший

⁴ Фролов Э. Д. Религия и атеизм в античном мире. С. 135.

⁵ Борухович В. Г., Фролов Э. Д. Античное свободомыслие и атеизм // Свободомыслие и атеизм в древности, Средние века и в эпоху Возрождения. М., 1986. С. 104–150.

⁶ Борухович В. Г., Фролов Э. Д. Античное свободомыслие и атеизм. С. 104.

все сверхъестественное и подвергавший осмеянию богов-олимпийцев и греческие религиозные ритуалы, в частности мистерии, в сочинениях «боевого атеистического характера». После похода Александра Великого начинается новая эпоха, принесящая множество изменений в античный мир. В области религии это было активное проникновение разнообразных восточных культов сначала в Грецию, а затем в Рим, и культ властителя, обожествляемого при жизни. Эти явления вызвали к жизни учение Эвгемера (ок. 340–260 гг. до н. э.), объяснявшее происхождение религии поклонением людей прежних времен древним могущественным царям, которые за свои заслуги и благодеяния были обожествлены подданными. Еще один удар по традиционному благочестию был нанесен атомистической философией Эпикура, отрицавшей бессмертие человеческой души и вмешательство богов в земные дела.

Что касается древнего Рима, то до II в. до н. э. ни о каком свободомыслии и атеизме не могло быть и речи: религиозность относилась к числу основных базовых римских добродетелей⁷. Однако с началом эллинизации римлян, прежде всего аристократии, те явления и процессы, что имели место в греческом мире, проникают в Вечный Город: в знатных римских семьях появляются греческие учителя, зарождается интерес к философии, начинает формироваться литературная традиция. Уже Энний, один из основателей римской литературы, переложил в стихах учение Эвгемера; на рубеже II–I вв. до н. э. особую популярность приобретает эпикуреизм, наконец, появляется поэма Тита Лукреция Кара «О природе вещей»; ее анализ оказывается одним из центральных сюжетов этой статьи. Завершает этот обзор рассказ о религии в сочинениях Лукиана («Диалоги богов», «Зевс трагический», «Александр, или Лжепророк», «О смерти Перегринна» и др.).

Естественно, без экскурсов в область античной религии не обошлись и основные труды Э. Д. Фролова: «Огни

⁷ Борухович В. Г., Фролов Э. Д. Античное свободомыслие и атеизм. С. 130.

Диоскуров», «Факел Прометея» и «Греция в эпоху поздней классики». В этих книгах были сделаны ценные замечания о концепции Логоса у Гераклита, о взглядах Геродота на роль божества в историческом процессе и о понятии религиозного нечестия в Афинах, но центральное место здесь безусловно следует отвести большому и в высшей степени содержательному исследованию религиозности Сократа, предпринятому в «Факеле Прометея»⁸. Забегая вперед, нужно сказать, что для Э. Д. Фролова фигура афинянина Сократа была очень важна, так как он считал его и римлянина Сенеку античными предтечами Христа. После развернутого анализа философских взглядов Сократа, его учения о знании и добродетели и его достаточно аристократических представлений о правильно организованном справедливом обществе, встает вопрос: «Как могло случиться, что такой глубоко нравственный и богобоязненный человек, как Сократ, подвергся обвинению в развращении молодежи и почему основанием для этого обвинения послужило, в частности, и его отношение к религии?»

В сфере отношений со сверхъестественным миром Сократ был одновременно и новатором, и традиционалистом. Безусловно, он являлся по своей натуре глубоко религиозным человеком: Ксенофонт указывает на то, что Сократ соблюдал все предписания официального культа и исполнял все необходимые обряды; он обходил стороной проблемы устройства космоса, так как был убежден в невозможности постижения божественной природы мира, а во всех своих поступках он руководствовался не страхом перед людьми, а благоговением перед всемогущими всезнающим божеством (Хен. Мет., I, 1; 3). Убежденность Сократа в существовании объективной истины основывалась на вере в божественную природу мира и божий промысел — высший разум, который поддерживает космос в порядке, — и всю свою жизнь и деятельность он рассматривал как служение Аполлону, как исполнение назначенного ему богом долга.

⁸ Фролов Э. Д. Факел Прометея. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 253–266.

Э. Д. Фролов показывает важность темы Аполлона, бога разума и искусств, в жизни и учении Сократа, ведь именно с надписи «Познай самого себя» в Дельфийском святилище начался духовный поиск мыслителя; там же афинянин Хэрефонт получил оракул о том, что Сократ является самым мудрым человеком; наконец, уже в конце жизненного пути философ, задумавшийся о сновидении, которое звало его на поприще Муз, находясь в темнице, слагает гимн в честь Аполлона, но понимает, что подлинным поэтическим даром он не обладает.

В чем причины этого тяготения философа к этому богу и встречной, вероятно, симпатии Дельфийского оракула к афинскому мудрецу? Сократ в своих беседах отталкивался от общепризнанных истин, а поэтому просто не мог оторваться от традиционной народной мудрости, опиравшейся на мифы и нашедшей в них свое выражение. Не следует забывать и о демонии Сократа — голосе, который являлся ему с ранних пор: то, что в Афинах воспринималось как вызов официальной полисной религии, в Дельфах могло оцениваться иначе. Дельфийскому жречеству могли импонировать его религиозность, поиск и утверждение абсолютных нравственных норм и борьба со скептицизмом и релятивизмом софистов. Э. Д. Фролов указывает, что парадокс идеологического развития Греции на исходе классического периода состоял в том, что выход из сложившегося в то время кризиса идей искался в известной степени с опорой на прежний опыт и на возвращение к традиционным ценностям, а Дельфы здесь, кажется, в последний раз активно вмешались в современную идеологическую жизнь⁹. Завершается этот большой экскурс исследованием литературной традиции о демонии Сократа и выводом о его двойственном характере: с одной стороны, это могла быть его претензия на особое мистическое прозрение, а с другой — на обнаружение сокровенной, интимной связи осененного благодатью человека с божеством, что могло сделать ненужным все официальные культы. Все это делает

⁹ Фролов Э. Д. Факел Прометея. 2-е изд. С. 262.

вполне понятными те обвинения, что были выдвинуты против афинского философа в 399 г. до н. э.

В 2002 г. в издательстве СПбГУ вышла в свет коллективная монография «Альтернативные социальные сообщества в античном мире», подготовленная сотрудниками СПбГУ и РГПУ им. А. И. Герцена по инициативе и под редакцией Э. Д. Фролова. В большей степени она посвящена политическим и интеллектуальным содружествам, но проигнорировать религиозные собрания было невозможно, так как они занимали важное место в социальной жизни всех греческих полисов, а кроме того, практически все античные ассоциации имели своих богов-покровителей и были связаны с ними.

Один из разделов этого труда, подготовленный Э. Д. Фроловым, посвящен религиозным союзам в Греции в эпоху классики и раннего эллинизма¹⁰. Ученый отмечает различное происхождение этих сообществ: первые возникли как закрытые культовые объединения граждан, сложившиеся внутри старых гентильных подразделений (оргеоны), другие сформировались на почве общего почитания негосударственных оргиастических и мистерияльных культов, в первую очередь Диониса (фиасы), третьи появились из обычая складчины для устройства совместных пиров (эраносы). В краткой, но весьма информативной статье на основании литературной и эпитафической традиции дается очерк истории и организации всех этих трех типов союзов, прежде всего оргеонов. Последние уходят своими корнями в глубокую древность и характерны не только для Афин, но и для других эллинских городов (Мегары, Теос). Эти ассоциации изначально носили религиозный характер, на что указывает хотя бы само их название: ὄργῶν восходит к тому же корню, что и ὄργια — тайные религиозные обряды, священнодействия; иногда словом ὄργῶν обозначались жрецы, совершавшие жертвоприношения на их собраниях.

¹⁰ Фролов Э. Д. Глава V. Религиозные союзы // Альтернативные социальные сообщества в античном мире / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 201–216.

Оргеоны были связаны с демами, фратриями и родами — административными или родовыми структурами гражданской общины, но со временем они стали более открытыми, допуская в свои ряды и неграждан. Фиасы возникали как неофициальные союзы для почитания отеческих или иноземных божеств, например, фракийских или фригийских богов и богинь, но уже к концу классического периода различия в словоупотреблении стираются, о чем свидетельствуют слова Афиня: «Один и тот же (союз) называется и эраносом и фиасом, а собирающиеся в нем — и эранистами и фиасотами» (Athen., VIII, 64, 362e). Состав этих сообществ, — а в них могли входить и граждане, и метеки, и вольноотпущенники, и рабы, — и их структура тоже были похожи друг на друга; все они обеспечивали удовлетворение как духовных, так и материальных нужд своих участников, и в целом их организация напоминала полис в миниатюре. В какой-то степени эти античные ассоциации стали одним из образцов для организации христианских общин.

Сюжеты из истории античной религии время от времени затрагивались Э. Д. Фроловым и в работах, напрямую с этой тематикой не связанных. В качестве одного примера можно указать на статью, посвященную символизму копья, где последнее рассматривается как оружие воина, орудие господства и символ власти¹¹. Здесь особое внимание уделено тому, как ферский тиран Александр (IV в. до н. э.) почитал копье, которым убил своего дядю Полифрона: он объявил его святыней, украсил венками и приносил ему жертвы, словно богу, называя его именем Тихона (Plut. Pelop., 29). **Τύχων** по-гречески буквально означает «Счастливец», что было явной аллюзией на почитаемую богиню счастья **Τύχη**.

Другой образец обращения к религиозным вопросам — статья о софисте и тиране Критии¹². Секст Эмпирик в своем трактате «Против математиков» цитирует большой

¹¹ Фролов Э. Д. Копье как орудие и символ знатности у древних греков // Мнемон. Вып. 11. 2012. С. 57–64.

¹² Фролов Э. Д. Критий, сын Каллесарха, афинянин — софист и тиран // Вестник древней истории. 2003. № 4. С. 67–89.

фрагмент сатирической драмы «Сисиф», которую приписывают этому афинскому политику (по другой версии, ее автор — Еврипид). В этом отрывке содержится своего рода социологическая концепция возникновения религии стараниями некоего древнего законодателя, который догадался «сковать опасные тайные помыслы людей страхом перед богами» (Sext. Emp. Adv. math., IX, 54). Впрочем, Э. Д. Фролов не рассматривает подробно взгляды автора драмы на религию, ограничиваясь общей их характеристикой как «воззрений скептического плана, тяготевших к атеизму», и причислением Крития к группе «отрицателей богов» и «безбожников» вроде Протагора, Продика и Диагора Мелосского.

В 2016 г. была издана большая коллективная монография «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире» — плод труда коллектива специалистов из ведущих университетов России и институтов Академии Наук. Э. Д. Фролов подготовил для этого издания статью «У истоков культа властителя в древней Греции», открывающую эту книгу¹⁵. Он обратил внимание на универсальность идеи обожествления носителя верховной личной власти в истории человечества и указал, что эта идея всегда реализуется в результате взаимодействия двух импульсов — инициативы самого правителя и реакции общества. Через призму этих двух начал и были рассмотрены греческие лидеры, претендовавшие на особый статус в глазах современников, причем основной акцент в исследовании был сделан на религиозной политике знаковых фигур VI–IV вв. до н. э. Прежде всего, это тиран Писистрат, которому якобы помогла добиться власти богиня Афина, а точнее, изображавшая ее женщина, стоявшая

¹⁵ Фролов Э. Д. У истоков культа властителя в древней Греции // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 16–33. Эта статья является значительно переработанным и дополненным вариантом публикации: Фролов Э. Д. Религиозная политика греческих тиранов: у истоков культа властителя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. С. 22–32.

рядом с ним на колеснице. Э. Д. Фролов рассматривал этот ловкий политический ход как «стремление древнего афинского властителя приблизить себя к сонму небожителей, что было первой ступенью к апофеозу»¹⁴.

Позже поводы для обвинений в непомерном личном возвышении дали афинянин Алкивиад и спартанец Лисандр. Первый, стремясь к первенству, окружал себя героическим ореолом и занимал положение более высокое, чем это подобало гражданину свободного государства. Сограждане считали, что он обладает особыми дарованиями, отличавшими его от других людей, а самосцы почтили его статуей в святилище Геры (Paus., VI, 3, 5). Случай Лисандра еще более ярк: ему подносились венки, в храмах выставлялись его статуи, наконец, по свидетельству Дурида Самосского, «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу» (Plut. Lys., 18, 5). Это был один из первых примеров прижизненного воздаяния божественных почестей живому человеку в Греции: почитался именно Лисандр, а не сила спартанского государства, которому он служил. Целую россыпь подобных случаев дает младшая тирания: Дионисий Старший претендовал на особую связь с Дионисом, Дионисий Младший — с Аполлоном, Клеарх Гераклеяский — с Зевсом. Во всем этом следует видеть сознательное стремление тиранов придать своей власти недостающий ей духовный ореол и сформировать ее идеологический фундамент.

Как мы уже отмечали, у Э. Д. Фролова неоднократно появлялась идея предуготовления христианства в развитии философской мысли и религий античного мира и эволюции их организационных форм. Эти темы поднимались им не только в научных статьях, но и в популярных лекциях, которые он читал в Ленинграде и в других городах перед самой разной аудиторией — от общества «Знание» до собраний военных моряков в Кронштадте. Свое законченное выражение эти мысли наши в большом разделе, написанном им

¹⁴ Фролов Э. Д. У истоков культа властителя в древней Греции. С. 18.

для книги «Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь». Она была подготовлена совместно с коллегами по университету — византинистом Г. Л. Курбатовым, заведующим кафедрой Средних веков, и знаменитым историком-русистом, деканом ЛГУ в те годы, И. Я. Фрояновым¹⁵. Это издание, выпущенное в 1988 г. к 1000-летию юбилею крещения Руси, было напечатано невиданным по нынешним временам тиражом в 50 000 экземпляров. Дело в том, что проснувшийся в обществе в конце 70-х — начале 80-х гг. интерес к религии сформировал большой запрос на любую информацию о ней. События начала Перестройки вызвали постепенное смягчение идеологического контроля над сферой религии и философии, и всякое новое издание по этой теме, неважно, научное или популярное, буквально сметалось с книжных прилавков изголодавшейся аудиторией. Чтобы не ходить далеко, укажем хотя бы на знаменитую книгу И. С. Свенцицкой «Раннее христианство: страницы истории», выпущенную в то же время: сначала она была издана тиражом в 100 000 экземпляров, а затем последовала допечатка. «Христианство» готовилось на самых ранних этапах Перестройки, еще в 1986–87 гг., когда никто не мог представить, к чему приведет этот процесс, поэтому книга была снабжена всеми необходимыми оговорками: издание, дескать, призвано противостоять стремлению священнослужителей придать общенациональное звучание празднику, превратив его в «поворотный момент в истории России»; развитие религиозной жизни во все периоды четко увязывалось с эволюцией общественно-экономической системы; и, конечно, были расставлены обязательные ссылки на классиков марксизма-ленинизма.

Е. М. Фролова вспоминает, что все трое авторов очень переживали за свои тексты и боролись за них, так как ленинградские редакторы полагали, что они лучше знают, что должно быть написано, чем университетские профессора. Процесс согласования итогового варианта текста был

¹⁵ Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Русь / Науч. ред. А. Я. Дегтярев. Л., 1988.

долгим и мучительным; сложилось стойкое ощущение того, что «Христианство» изучалось последовательно в нескольких инстанциях. Издательский цикл очень затянулся; даже после корректуры книга пошла в печать далеко не сразу. Дело кончилось тем, что когда вся эта история завершилась, то авторам выдали меньше авторских экземпляров, чем они ожидали, а сумма гонорара была урезана. Фролов вспоминал, что И. Я. Фроянов, который вел переговоры с издательским начальством, вышел и бросил ожидавшим его коллегам: «И с деньгами накололи!»

Первая глава раздела, подготовленного Э. Д. Фроловым, называется «От критики к научному исследованию» и посвящена историографии изучения христианства. Она начинается с самых первых его «исследователей», если их так можно назвать, — античных писателей, полемизировавших с новой религией (Фронтон, Цельс, Порфирий), и переходит к XVIII в., философам-просветителям, немецким историкам, филологам и теологам, заканчиваясь работами Энгельса и историков марксистской школы. Назвать этот очерк полным, конечно, нельзя, но стоит помнить, что, во-первых, это все-таки научно-популярная книга, а во-вторых, в то время, когда она готовилась, исчерпывающий обзор был попросту невозможен в силу недоступности массы западных работ: в лучшем случае они находились в спецхране библиотек и для работы с ними было нужно получить специальное разрешение, да и идеологическая цензура вряд ли отнеслась бы к этому благосклонно.

Во второй главе — «Исторические предпосылки христианства» — рассказывается об эволюции античных религий, их упадке и причинах, которые заставляли людей обратиться к христианству. Во многом она повторяет уже рассмотренные нами выше статьи о религии и атеизме в античном мире; особенно здесь подчеркивается, что тягу к религии и стремление найти утешение в вере у жителей античного мира на рубеже эр вызывали политическая реакция (крах аристократической римской республики и утверждение монархии с ее железным порядком) и социально-экономические трудности (исчерпание возможностей для экспансии,

пауперизация населения центральных областей Римской империи). Особенно остро эти трудности ощущали общественные низы. Римские власти пытались предложить новые, более подходящие для территориальной монархии религиозные формы — культ императора или религию Непобедимого Солнца (Sol Invictus), но их искусственность и очевидная официальная направленность обусловили крах этих проектов. Религия утешения должна была возникнуть снизу, а не навязана сверху, и этой религией стало христианство. Оно родилось как движение протеста, которое, благодаря своему эмоционально-мистическому и этическому началу, монотеизму и вере в Богочеловека-мессию, удовлетворяло религиозному поиску этого времени. Успех христианства был обусловлен «причудливым, но отвечавшим потребностям времени сплавом различных духовных элементов, выработанных классической древностью»¹⁶.

В третьей главе, называющейся «Идейные истоки христианства», рассматривается античный и иудейский контекст формирования новой религии. Это восточные мистериальные культы, широко распространенные в античном мире с эпохи эллинизма, и новые философские течения. Э. Д. Фролов дал обзор почитания Кибелы, Исиды и Митры, отметив, что все эти божества обладали своими особыми достоинствами, но никто из них не мог стать объектом всеобщего и исключительного почитания. Что касается философии, то хотя «весь античный идеализм содействовал подготовке духовной почвы для формирования христианской доктрины», среди предтеч христианства можно различать и более далеких (Пифагор, Сократ, Платон), и более близких (киннки, стоики, гностики)¹⁷. Мы уже отметили важность фигуры философа Сенеки для Э. Д. Фролова, подчеркивавшего созвучие его версии стоицизма идеям и представлениям только что возникшего христианства. Сенека настаивал на примате духовного начала перед началом материальным, подчеркивал необходимость постижения человеком бога

¹⁶ Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 61.

в собственной душе, говорил о земном существовании как о прологе к лучшей и долгой жизни, новому рождению и новому порядку вещей. Он учил, что всем управляет единый бог и что все люди — и свободные и рабы — равны в приобщении к философии и приближении к божеству. Конечно, не стоит считать Сенеку христианином, так как у него нет учения о греховности человека и необходимости искупления этих грехов; нет у него и призыва к смирению, наоборот, человек является полновластным хозяином своей жизни и может делать то, что считает нужным, в том числе и совершить самоубийство.

Но христианство, конечно, не было плодом исключительно античного мира, и вторая часть этой главы посвящена его иудейским истокам, особенно мессианским ожиданиям иудеев. Она начинается с обзора истории еврейского народа в древности, от переселения в Палестину до подчинения римлянам и антиримских восстаний I–II вв., рассказа о Библии, ее составе и истории формирования, и изложения основ иудаизма. Монотеизм, особенно так, как он изложен в философско-религиозных сочинениях Филона Александрийского, во многом опиравшегося на систему Платона, мог импонировать жителям позднеантичного мира, но еще большую симпатию вызывала идея мессианизма. Э. Д. Фролов показал развитие этой концепции в ветхозаветных сочинениях, то, как формировалось учение о Посланнике Божьем, который должен разделить страдания народа, свою жертвой искупить его грехи и тем самым открыть дорогу к спасению. Эти взгляды стали особенно популярны в Иудее времен римского господства. Для понимания исторического контекста возникновения христианства важно понимать не только надежды и чаяния евреев, но и то, какие группировки и течения существовали внутри иудаизма. Это саддукеи, фарисеи и ессеи, которым уделено особое внимание: для их характеристики приводятся большие цитаты из сочинений Иосифа Флавия. Наконец, рассказывается о находке Кумранских рукописей, истории и организации общины, которой, возможно, они принадлежали, и указывается на близость некоторых элементов, которые мы встречаем

в этих сочинениях, тому, что мы видим в раннехристианских сочинениях (дуализм, учение о двух путях, эсхатология, мессианская фигура Учителя Праведности). Так или иначе, Кумранская община, как и ессеи, — Э. Д. Фролов несколько раз говорит о близости кумранитов к ессеям, но сам их не отождествляет, — были непосредственными предшественниками христианства.

Собственно религии Христа посвящена четвертая глава — «Становление христианства». Рассказ начинается с рассмотрения нашего главного источника по первым шагам христианства — Нового Завета, хронологии составляющих его текстов и его формирования. Вслед за Ф. Энгельсом самым ранним сочинением Э. Д. Фролов называет Откровение Иоанна, но тут же оговаривается, что есть и другие точки зрения. Отметим, что здесь звучит критика в адрес «популярной атеистической литературы», которая преувеличивает значимость противоречий в новозаветной традиции: нельзя сомневаться в том, что в Новом Завете содержится ценная информация, и «задача историка состоит в том, чтобы с должной осторожностью, этой информацией воспользоваться»¹⁸, — утверждение по тем временам достаточно смелое.

В следующей части, посвященной первоначальному христианству, рассматриваются вопросы, связанные со временем и местом появления новой религии. В антирелигиозной советской литературе не были редкостью достаточно экзотические по меркам современной науки идеи, например, о возникновении христианства в конце I или даже во II в. в диаспоре (Александрии Египетской), и Э. Д. Фролову пришлось «возвращать» первых христиан в Палестину 30-х гг., в чем большим подспорьем оказались Кумранские рукописи. Конечно, эти радикальные идеи в советской научной истории раннего христианства к 80м гг. были давно оставлены (труды Р. Ю. Виппера, скорее, были исключением), но опять-таки напомним, что мы имеем дело с научно-популярной книгой, рассчитанной на обычного читателя без

¹⁸ Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство. С. 80.

специальной исторической подготовки. Говорить об этих очевидных для нас вещах было необходимо из-за того, что, по сути, единственным источником информации о религии в то время были разнообразные атеистические издания, где зачастую научный анализ источников подменялся антирелигиозной пропагандой.

Основной аудиторией христианской проповеди в то время Э. Д. Фролов называет неимущих иудеев, на что указывает прославление бедности и бедных в новозаветных сочинениях, но надо помнить, что новая религия стремилась выйти на новый уровень и стать универсальной, что мы видим в Посланиях Павла. Главные идеи первоначального христианства — мессианизм, скорое наступление Царства Божьего и эсхатология, связанная со вторым приходом мессии; Э. Д. Фролов мимоходом указывает на сходство описания Нового Иерусалима с традициями античной утопии¹⁹. В Откровении можно уловить бунтарский дух, направленный как против Рима, так и против власти земных царей вообще, против богатства, порока и разврата. Что касается организации первых общин, то никакой единой церковной организации не существовало; эти общины могли организовываться в иудейской среде по образцу синагог, а в языческой — по образу фиасов или других союзов. Жизнь ранних христиан отличалась демократизмом и равноправием; в то время была развита практика благотворительности и даже имущественного равенства; среди верующих были и рабы, и свободные; наконец, еще не было проведено четкое разделение между клиром и мирянами.

Особое внимание в книге уделено проблеме исторического существования ключевых фигур христианства — самого Христа и Иоанна Крестителя. В первые десятилетия советской власти и в послевоенные годы мейнстримом атеистической пропаганды было отрицание историчности Христа (можно вспомнить хотя бы знаменитую беседу Берлиоза и Бездомного из первой главы «Мастера и Маргариты»). Позже постепенно стал возможен и альтернативный

¹⁹ Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство. С. 85.

взгляд на эту проблему, но инерция все еще была велика, и каждый раз перед тем, как аккуратно заметить, что существование исторического персонажа Иисуса возможно, приходилось доказывать, что в этом нет ничего антимарксистского; с подобными оговорками мы встречаемся и в «Христианстве». На основании евангельского рассказа и свидетельства Иосифа Флавия Э. Д. Фролов приходит к выводу, что Иоанн был фигурой вполне реальной, и его проповедь, в некоторых моментах близкая к системам современных ему ессеев и кумранитов, могла пользоваться успехом у иудейского народа. «Гораздо сложнее обстоит дело с центральным персонажем христианской традиции — Иисусом Христом»: ²⁰ хотя о нем свидетельствует новозаветная традиция и античные историки, но картина из их сведений складывается противоречивая, однако и он мог быть исторической личностью, проповедником и учителем. Фролов заключает: «В таком предположении нет ничего невероятного, и мы даже склонны допустить такую возможность» ²¹. Если вокруг лидера протохристианского движения Иоанна и фигуры основателя христианства еще возможны споры, то в историчности учеников Христа, особенно Петра и Павла, сомневаться не приходится.

Заканчивается раздел общим обзором истории христианства в первые века. Основные темы здесь: распространение новой религии среди представителей разных слоев римского общества и различных народов, отход от эсхатологических чаяний, развитие догматики и церковной организации, борьба с ересями и непростые отношения первых христиан с римским государством. Конечно, каждый из этих сюжетов является отдельной сложной проблемой, но, во-первых, снова напомним о научно-популярном жанре этой книги, а во-вторых, некоторые из этих вопросов были более подробно освещены в следующей части «Христианства», подготовленной Г. Л. Курбатовым и посвященной Византии.

²⁰ Там же. С. 91.

²¹ Там же. С. 98.

После этой публикации Э. Д. Фролов время от времени возвращался к вопросам истории раннего христианства, но скорее не как ученый-исследователь, а как преподаватель. В начале 1990-х он вел пользовавшийся большим успехом у студентов и вольнослушателей курс лекций на истфаке СПбГУ, а позже, уже в 2000-х, на своем аспирантском семинаре, где читались, переводились и комментировались сочинения древних авторов, время от времени обращался к чтению сочинений Иоанна, Евангелия от Луки и Деяний Апостолов. Последние два выбирались как образцы первохристианских исторических трудов, написанных образованным человеком, знавшим как античную литературу, так и иудейскую религию, и хорошо владевшим древнегреческим языком. Внимание Э. Д. Фролова при чтении привлекали самые разные сюжеты, от чисто бытовых, например, рассказа о том, как некий юноша, задремав, выпал из окна во время проповеди Павла, или о том, как вообще путешествовали в древнем мире, до социально-политических — структуры управления Иудеей при римской власти и антиримских настроений в Палестине. Однако наиболее сильное впечатление на слушателей производили его рассуждения о требовании справедливости, которое в том или ином виде зазвучало в то время во всем античном мире — во многом благодаря этому христианство и имело такой успех. Кроме того, Э. Д. Фролов подчеркивал, что христианство сделало человека свободным, оно освободило его от ритуалов античных религий и множества богов и сформировало новый тип личности. Оно дало возможность человеку беседовать со своей совестью и самому решать, что можно сделать, а что нужно сделать. Ни одна религия в античности до этого не дошла — это была уникальная идея христианства.

Что касается отношений самого Э. Д. Фролова с религией, то здесь нужно сказать следующее. Он был крещен еще до войны своей матерью Марией Владимировной Соколовой и бабушкой; так как в православных святцах Эдуарда нет, его крестили с именем Георгий. Чисто внешне, на людях или в обществе, он никогда не проявлял свои взгляды, но был, безусловно, человеком верующим. В христианстве

его привлекало то, что он ставил на первое место в своих лекциях: новые ценности бытия, чувства защищенности, внутреннего выбора и одновременно личной ответственности человека перед собой, миром и людьми. Нельзя сказать, что он регулярно посещал храм, но бывал там; особенно ему нравилось слушать церковное пение. На Васильевском острове они вместе с женой посещали Андреевский собор и церковь Смоленской Божьей Матери на Смоленском кладбище, а когда они еще жили на Гороховой улице, то ездили в Александро-Невскую Лавру или Владимирский собор. Э. Д. Фролов любил иконы. Он часто бывал в Русском музее, а начиная с 1990-х гг. часто покупал в церквях маленькие иконки. Это была не коллекция — ему нравилось просто перебирать и рассматривать их. Те, кто был у него дома, помнят, что рядом с его рабочим местом были образы Георгия Победоносца и Иоанна Богослова — особенно любимого им евангелиста, писания которого он иногда читал с аспирантами на семинаре.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Андрей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ;
e-mail: a.v.vasilyev@spbu.ru

Даудов Абдулла Хамидович, д.и.н, профессор, директор Института истории СПбГУ; e-mail: a.daudov@spbu.ru

Казаров Саркис Суренович, д.и.н, профессор кафедры археологии и истории древнего мира ЮФУ (Ростов-на-Дону);
e-mail: sskazarov@sfedu.ru

Карпюк Сергей Георгиевич, д.и.н., главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций, Институт всеобщей истории РАН;
e-mail: oxlos@yandex.ru

Климов Олег Юрьевич, д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ; e-mail: o.klimov@spbu.ru

Кузь Владислав Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории МАГУ (Мурманск) ; e-mail: kuz.vv@mauniver.ru

Кулишова Оксана Викторовна, д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ;
e-mail: o.kulishova@spbu.ru

Пантелеев Алексей Дмитриевич, к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ;
e-mail: a.panteleev@spbu.ru

Печатнова Лариса Гавришовна, д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ;
e-mail: l.pechatnova@spbu.ru

Сизов Сергей Кузьмич, д.и.н, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ (Нижний Новгород);
e-mail: sergey_sizov@yahoo.com

Синицын Александр Александрович, к.и.н., доцент РХГА
(Санкт-Петербург); e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Суриков Игорь Евгеньевич, д.и.н., главный научный сотрудник
отдела сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН; e-mail: isurikov@mail.ru

Туманс Харийс, доктор истории, профессор Латвийского
университета (Латвия, Рига); e-mail: harijs.tumans@lu.lv.

Фролова Е. М., независимый исследователь, жена
Э. Д. Фролова.

Холод М. М., к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции
и Рима СПбГУ; e-mail: m.holod@spbu.ru

Циркин Ю. Б., д.и.н., профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
<i>Фролова Е. М.</i> Э. Д. Фролов — 90-летие	7
<i>Даудов А. Х., Климов О. Ю., Кулишова О. В., Пантелеев А. Д.</i> Профессор Эдуард Давидович Фролов: жизненный путь ученого	15
<i>Суриков И. Е.</i> Э. Д. Фролов и проблемы истории архаической Греции	29
<i>Туманс Х.</i> Концепция архаической революции в системе взглядов Э. Д. Фролова	56
<i>Синицын А. А.</i> Исследователь античной исторической мысли Э. Д. Фролов об истоках историописания и его архегетах	73
<i>Печатнова Л. Г.</i> Ксенофонт и его творчество в исследованиях Э. Д. Фролова	97
<i>Кузь В. В.</i> Греция в период поздней классики и младшая тирания во взглядах Э. Д. Фролова	108
<i>Холод М. М.</i> История Греции IV в. до н. э. в научном творчестве Э. Д. Фролова	134
<i>Сизов С. К.</i> Э. Д. Фролов о греческих союзах позднеклассического периода	145
<i>Климов О. Ю.</i> История эллинизма в научном творчестве Э. Д. Фролова	166
<u>Циркин Ю. Б.</u> История Западного Средиземноморья в исторических исследованиях Э. Д. Фролова	185

<i>Кулишова О. В., Карпюк С. Г. «Утешение и опора»: история отечественной науки об античности в творчестве Э. Д. Фролова</i>	201
<i>Казаров С. С. «Русская наука об античности» Э. Д. Фролова и антиковеды Варшавского Императорского университета</i>	213
<i>Пантелеев А. Д. История античной религии и раннего христианства в творчестве Э. Д. Фролова</i>	225
<i>Васильев А. В. Эдуард Давидович Фролов как педагог, лектор, методист</i>	248
<i>Климов О. Ю. Профессор Эдуард Давидович Фролов как ученый и организатор научной деятельности</i>	263

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1. Выпускники / участники аспирантского семинара Э. Д. Фролова</i>	283
<i>Приложение 2. Список диссертационных работ, подготовленных при участии Э. Д. Фролова</i>	286
<i>Приложение 3. Список научных трудов Э. Д. Фролова</i>	291
Сведения об авторах	326
Список литературы	328

Научное издание

НЕСУЩИЙ ФАКЕЛ ПРОМЕТЕЯ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Э. Д. ФРОЛОВА

Коллективная монография

Составление, научное редактирование,
вступительная статья

А. Х. Даудова и О. Ю. Климова

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.

Тел. (812) 430-99-21. E-mail: gumak@mail.ru

www.humacad.ru

Директор издательства Ю. С. Довженко

Подписано в печать 23.09.2024. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,3.

Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87